

SM

03.98

Экран и сцена. - 1998-март (11) - 9/16

Левинский Алексей

МАСТЕРСКАЯ

сцене. Словом, грандиозная работа, если ее опубликовать в виде мощного такого фолианта, — вызовет безумный интерес.

Что же получилось в результате? На мой взгляд, абсолютно учебное зрелище, в чем и победа. Не скрывается учебная задача: практически понять, что же это полвека с лишним назад был за спектакль. Скромная исследовательская цель, когда что-то можно восстановить, о чем-то догадаться, а нечто сделать предположительно. И то, и другое, и третье присутствует в американском зрелище. Зал мест, кажется, на 800. По бокам сцены с двух сторон висят экра-

оказалось на руку, — двуязычие. Если бы все играли только на русском, — трудно бы было преодолеть кондовость восприятия текста, а если б все на английском, то как-то обидно за Гоголя. В спектакле два Хлестакова, наш и американец, оба играют в рисунке Эраста Гарина. И меняются. В одной сцене — наш Хлестаков, американец — тот, выдуманный Мейерхольдом, "заезжий офицер", в другой сцене — наоборот. Американец на Гарина совсем не похож, наш — немного напоминает по физическим данным, но, конечно, не копия. И в результате оба очень разные, но в то же время ощу-

ют здорово. Понимают: тебя никто не спрашивает, как бы ты сам это сыграл. Потому что уже все сыграно. Ты лишь пытаешься освоить чужой рисунок. И парадокс: чем скромнее они это делают, тем больше проявляются сами.

Меня поразило это зрелище. Тут есть простор воображению, начинаешь что-то домысливать, дорисовывать — но именно в заданном авторами проекта направлении. И видно, насколько интересным был спектакль Всеволода Эмильевича, насколько он сохранил свою эстетическую и даже смысловую актуальность. Можно представить, как

рил, что если берешься за пьесу, то стоит изучить, как ее играли раньше. Вполне возможно, тогда ты сможешь от чего-то оттолкнуться. Допустим, в этом месте актер рыдал, так, может, это стоит повторить, или отказаться — но в полемике. Нужно соотносить собственную работу с тем, что уже было сделано до тебя. Ведь и спектакли "по мизансценам МХТ" самого Мастера — тоже традиция и учеба.

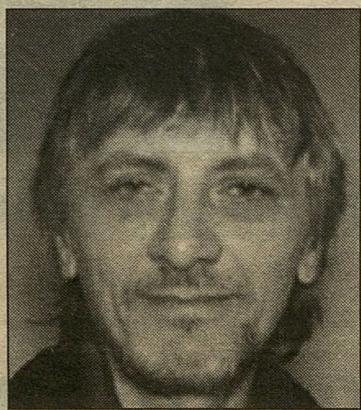
В Иельской школе был показан большой, почти трехчасовой спектакль, при том, что некоторые эпизоды были сокращены, а из трех последних создан коллаж. Все в этой вариации построено на абсолютной выверенности ракурсов, мизансцен — и не как неподвижных картинок, но в их темповых изменениях. В сцене с письмом, например, именно на конкретную реплику персонажи вскочили, на следующую — медленно сели, на следующую — резко наклонились вперед. Для меня было неожиданно, насколько "кукольным", оказывается, был спектакль Мейерхольда. Вообще, все, что мне было известно о том спектакле, предстало теперь в ином ракурсе. Много даже смысловых открытий. Ведь там слиты разные редакции и добавлены фрагменты других произведений. В результате предстало совместное творение Гоголя и Мейерхольда, мощное соавторство, совершенно особая пьеса, далекая от канонического текста. Очень современная пьеса, очень безнадежная: ничего хорошего ждать не приходится.

И еще одно. На конференции я выступал с показом биомеханических этюдов, потом была пресс-конференция, на которой среди прочих и был задан стандартный, чуть не банальный вопрос: каким образом эти упражнения помогают при подготовке спектакля? Так вот, в Иельской постановке ответ виден невооруженным глазом. Методика биомеханики помогает освоить именно данный, конкретный рисунок роли, поставленную на сценической площадке задачу. Поначалу участники завязали в технологических приемах, но когда техника была освоена и уже пошли прогоны, стало заметно, как все интереснее им становилось, как пришло вдохновение. В большой степени и для американцев, и для наших это была экзотика, первым — иная культура, другим — иное время, но главное — они никогда раньше так не играли. И этот опыт — пусть он кому-то окажется ближе, кому-то дальше — уже ими впитан, пережит, взят на вооружение.

А успех был шквальный, хотя публика — специфически театральная, — студенты, актеры, режиссеры, театроведы. Радостное ощущение у всех — обменивались мнениями и в антракте, и на следующий день — "вот и на нашей улице праздник!" Чувство общности, единения и зала, и участников.

Уместно было бы показать спектакль на одном из фестивалей студенческих работ, вроде нашего "Подiums". Дэвид Чемберс очень хочет привезти его в Петербург. Но все, как всегда, упирается в финансовые проблемы. Может, еще поиграют. Но в любом случае этот эксперимент имел смысл. И не только для непосредственных его участников.

Алексей Левинский: С Мейерхольдом полвека спустя

Не так давно произошло событие, представляющее интерес для всех, причастных к сценическому искусству. Полвека с лишним спустя после премьеры "Ревизора" в постановке Вс.Э. Мейерхольда была предпринята попытка воспроизведения давнего спектакля с максимальным приближением к оригиналу. О подготовке и самом представлении рассказывает один из участников этого международного проекта, специалист по биомеханике, режиссер и педагог Алексей Левинский.

ны, а прямо в зале — спецкомпьютерчики, которые в нужный момент подают на эти экраны информацию о спектакле Мейерхольда, — фотографии декораций, костюмов, актеров в ролях. Выходит, к примеру, Анна Андреевна, а на экране — Зинаида Райх в этой роли. То же — Хлестаков-Гарин. Или артист Кельберер, игравший у Мейерхольда персонажа, названного "заезжий офицер".

О первоисточнике дается максимально емкая информация на экране, а на сцене лишь обозначение, схема. Нет той выразительной мебели, которой у Мейерхольда было много и которая здесь лишь на фотографиях, на сцене — абрис. Станок, стулья, кубы. И двери — семь штук, меньше, чем в том спектакле. В костюмах — тоже лишь детали. То, без чего не обойтись. То же и с реквизитом: знаменитая дыня присутствует, а множество мелких деталей — нет.

Особо — музыка. Замечательный музыкант-американец играет вариации на тему музыки к тому спектаклю. Играет на перестановках, довольно сложных, их делают сами актеры, играет внутри спектакля.

Насколько могу судить — а я в свое время пытался прочесть о "Ревизоре" все, что удалось достать, — некоторые эпизоды из первого действия максимально приближены к первоисточнику: "письмо Чмыхова", "после Пензы" (то есть трактир), сцена Марьи Антоновны и Анны Андреевны в будуаре, сцена вранья, "шествие". Дальше — информации меньше, и спектакль начинает потихоньку переходить в постановку на тему мейерхольдовского шедевра. И это в итоге хорошо: все чуть размывается и появляется какой-то воздух. Спектакль приобретает черты, близкие уже нашему времени. Еще одно качество, которое

тим некий след Гарина. В паре "мама-дочка" по два состава, и тоже чередование: когда Анна Андреевна — русская, дочь — американка, и наоборот. Попутно возникала тема двойничества, столь важная и для Гоголя, и для Мейерхольда.

Хорошо, что играли и студенты-режиссеры. Потому что при такой задаче — "спектакль про спектакль" — надо быть все же немножко умней, чем бывают те молодые люди, которые учатся у нас на актерских факультетах. Мне показалось, что наши игра-

это трудно — и актеру, и режиссеру — смирить себя, обойтись без собственной концепции Гоголя и "Ревизора". Это близко обычаям восточного искусства: связь времен, бережно хранимая традиция, передача приемов из поколения в поколение. Что, в общем, европейскому театру несвойственно. И ничего нет порочного в том, чтобы брать откровенно что-то у предшественников, а что-то вполне сознательно делать по-другому, но тоже соотнося со сделанным до тебя. Сам Мейерхольд гово-

YALE SCHOOL OF DRAMA & ST. PETERSBURG THEATRE ARTS ACADEMY IN PARTNERSHIP WITH CEC INTERNATIONAL PARTNERS & THE GERTRUDE STEIN REPERTORY THEATRE PRESENT	
THE MEYERHOLD PROJECT	
РЕВИЗОР THE INSTRUCTOR GENERAL	 РЕВИЗОР НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ
OCTOBER 4, 1997 8 PM	

Для меня все началось много раньше — в Кардиффе, в Великобритании, где шла подготовка к большому международному симпозиуму, посвященному Мейерхольду. Я был приглашен туда вести занятия по биомеханике для режиссеров. Было несколько групп, занимались ежедневно, но все это — лишь подготовка к самому симпозиуму. Он проходил позднее в маленьком университетском городке Аберистуите.

Среди докладчиков был исследователь творчества Мейерхольда из Санкт-Петербурга Николай Песочинский. Тогда мы познакомились. Он заговорил о возможном моем участии в некоем российско-американском проекте. Суть проекта заключалась — ни много ни мало — в реконструкции мейерхольдовского "Ревизора". По правде говоря, эту идею я воспринял весьма скептически. Мне довелось видеть несколько реконструкций — "Матушка Кураж" в "Берлинер ансамбль", "Горе от ума" в Театре киноактера, что-то еще — и мне казалось, что это дело безнадежное. О чем я и сказал Николаю, но он поставил мне конкретную задачу — дать участникам проекта несколько уроков биомеханики, чтобы помочь им в плане движения.

И прошлой зимой я работал с ребятами в Петербурге. Они мне очень понравились — и актеры из Америки, и наши, студенты-режиссеры Петербургской театральной академии. По окончании занятий шеф проекта Дэвид Чемберс на прощание сказал — до встречи в Штатах. Куда меня ранней осенью и пригласили.

Заключительный этап всего проекта проходил в небольшом городке Нью-Хейвене, в полутора часах езды от Нью-Йорка. Там расположена знаменитая Иельская театральная школа при университете. Выпускали спектакль на сцене Иельского репертуарного театра. Наши — режиссерский курс Геннадия Тростянецкого, который был режиссером с российской стороны — приехали в начале сентября, а через месяц состоялась премьера.

Проект оказался на удивление интересным. Дэвид Чемберс попросил меня присутствовать на репетициях, помочь в движении. Я работал уже не как педагог, а в качестве режиссера. И вот — премьера. С утра проходила конференция по Мейерхольду, выступали американские режиссеры и театроведы, но и наши люди были — Елена Кухта с докладом о "Ревизоре", Николай Песочинский говорил о Мейерхольде-интерпретаторе классики. А вечером показали спектакль. Всего один раз, только для специально приглашенных, хотя и на генеральной накануне тоже кое-кто присутствовал. На том все и кончилось. Страшно обидно, ведь столько работы было вложено. Тем более, что для людей театра это представляет безусловный интерес. Правда, была осуществлена видеозапись.

Всему этому предшествовала огромная подготовительная работа, колоссальный труд в архивах. Занимался этим человек из Питера — Роман Кондратенко — с дотошностью поразительной. Записи всех репетиций, экземпляр с пометками помрежа, все сведения о музыке — какая и когда звучала, все критические статьи того времени, из которых можно понять, что в тот или иной момент происходило на